

*Маме и папе —
спасибо,
что ни разу не усомнились.*

ОТ АВТОРА

Рассказать историю хотят многие.

Скажи в любой компании: «Я пишу книги», и не меньше половины тут же сообщат, что тоже собираются при случае написать книжечку. При случае, когда выдастся свободное время. Когда-нибудь, надо только сосредоточиться. Некоторые даже начинали, но мало кто продвинулся дальше первой главы, а уж тем более третьей или пятой.

Я их не осуждаю (ведь читателей должно быть намного больше, чем писателей). Просто хочу сказать, что не так это просто — написать книгу. А уж если кому-то захочется, чтобы его книгу кто-то прочитал, тогда слово «КОНЕЦ» для этого автора станет только началом. Потому что если он решит издать книгу традиционным способом, ему предстоит найти агента и издателя. Затем начнутся правки, редактирование (хорошо, если по одному кругу, а часто и по пять-шесть раз), чтобы привести текст в порядок, сделать его приемлемым для читательской аудитории, заслужить место на полке в книжном магазине, а там, глядишь, и у читателя дома.

Вот сколько препятствий отделяет первый всплеск фантазии автора до настоящей книги. Так что далеко не всем историям удается добратъся до книжной полки.

И уж совсем редко какой-нибудь истории доводится проделать этот путь *дважды*.

Но «Ближней Ведьме» выпала именно такая счастливая судьба.

Это книга, с которой для меня всё началось. Нет, это не первая книга, которую я *написала*. Сомнительная честь быть первой принадлежит бессвязной, бредовой истории, которую я выдумала, когда мне было девятнадцать лет. Я просто хотела проверить, способна ли вообще придумать сюжет больше чем на дюжину страниц и худо-бедно привинтить к нему слово «КОНЕЦ».

Но «Ближняя Ведьма» — первая моя книга, пробившаяся на полки, к читателям.

Для тех, кто не знает, — это книга о магии.

А еще это книга о страхе.

В том числе о страхе выбратъся, выйти наружу, о противостоянии между теми, кто входит в круг, и теми, кто в него не входит. Тогда я еще не знала, что эта тема станет такой важной, даже центральной в моих книгах. Что все мои повести, от «Темного оттенка магии» до «Зла», «Архива» и «Этой свирепой песни», будут о тех, кто в своем мире чувствует себя потерянным. Или о тех, кто нашел себя в чужом. Но тогда мне был двадцать один год, я училась в университете и, выкроив время, по вечерам писала в кафе. Вчерашняя школьница, девчонка, не видевшая ни-

чего, кроме учебы, я чувствовала себя именно так — застрявшей между двумя главами своей жизни, не принадлежавшей ни прошлому, ни будущему.

Вот таким был мир, в котором появилась на свет эта книга.

Она началась с шороха, потрескивания и вспышки.

Это первые слова книги, но ими же можно описать и мою писательскую историю. «Ближняя Ведьма» была маленькой повестью, негромкой и необычной. А в те времена, наоборот, успехом пользовалось и хорошо продавалось все шумное и хотя бы смутно знакомое. И, как я ни пыталась защитить слабый огонек ее жизни, его как ветром, задуло после публикации. Иначе и быть не могло.

Но к счастью, мой огонек оказался сильнее. Я продолжала писать, публиковаться, продолжала раздувать костер, и он разгорался все жарче, пока не окреп настолько, что бури, которые случаются в этой прекрасной, но переменчивой области, стали поддерживать огонь, а не гасить его.

За следующие семь лет я написала *четырнадцать* повестей. С каждой новой книгой количество читателей росло, мои истории нашли свою аудиторию. Круг расширялся, и наступил момент, когда люди стали проявлять интерес к той, первой истории.

К искре, от которой разгорелся костер.

Радостно и грустно снова встретиться со своей историей, увидеть, что спустя столько времени она все еще нужна. Но я с ней не прощалась и упрямо надеялась, что рано или поздно она найдет дорогу к читателям. Как будто все это время я прикрывала ладонью спичку, хотя огонек и погас.

И вот, пожалуйста!

Мы вернулись назад — к самому началу.

БЛИЖНЯЯ
ВЕДЬМА

ГЛАВА 1

Все начинается с шороха, потрескивания и вспышки. Спичка шипит и оживает.

— Ну пожалуйста! — раздается у меня за спиной тихий умоляющий голосок.

— Уже поздно, Рен, — говорю я. Огонь медленно поглощает спичку, которую я по очереди подношу к трем свечам, стоящим на сундуке у окна. — Пора в постель.

Свечи зажжены, я взмахиваю спичкой, и огонек гаснет. На фоне темного стекла вьется дымок.

Ночью все кажется другим. Более определенным. За окном мир полон теней, они жмутся друг к другу, рельефные, резкие. Почему-то ночью они очерчены резче, чем днем.

Звуки ночью тоже звучат резче. Свист. Треск. Детский шепот.

— Ну еще хоть одну, — упрасивает Рен, прижимая к груди одеяло. Со вздохом отворачиваюсь от сестренки и глажу пальцами корешки книг, лежащих рядом со свечами. Кажется, я готова сдаться.